

Для цитирования: Атаманенко, А. А. «Время России»: исторические образы как источник политических аналогий в массовом сознании российской молодежи / А. А. Атаманенко, К. О. Костин // Социум и власть. — 2024. — № 4 (102). — С. 105–115. — DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-105-115. — EDN LYVUSB.

УДК 32.019.52

EDN LYVUSB

DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-105-115

«ВРЕМЯ РОССИИ»: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ИСТОЧНИК ПОЛИТИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Атаманенко Артемий Андреевич,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
аспирант кафедры истории
и теории политики,
Центр развития гуманитарных
технологий «НОВАЯ ЭРА»,
эксперт.
Москва, Россия.
ORCID: 0000-0003-4433-7847
E-mail: aaatamanenko@mail.ru

Костин Кирилл Олегович,
директор Центра
«Дипломатия знаний» РГГУ,
Москва, Россия.
ORCID: 0009-0003-6542-9529
E-mail: k.kostin@smart-civilization.com

Аннотация

Введение. Рассмотрены методологические инструменты, позволяющие концептуализировать понятие образа в коллективном сознании при помощи обращения к исследованиям исторической памяти. Предложены содержательная рамка (политическое бессознательное) и институциональная рамка (идеологическая проекция власти) для интерпретации данных.

Цель. Целью исследования является установление исторических образов, используемых российской молодежью для

формирования политических аналогий, и факторов, определяющих их выбор.

Методы. В качестве эмпирического материала использованы результаты исследования «Образ России в представлении молодежи» Центра развития гуманитарных технологий «НОВАЯ ЭРА», проведенного в 2023 году. Исследование предполагало формирование фокус-групп, где участники формулировали ассоциации, связанные с Россией настоящего и будущего. Ряд вопросов предполагал обращение к историческим материалам. Ответы проанализированы в рамках сформулированной теоретико-методологической рамки для решения исследовательской проблемы.

Научная новизна исследования Применение проективных методик позволило выявить влияние исторических образов на формирование политических аналогий в восприятии респондентов.

Результаты. По результатам исследования выявлено, что участники формулируют образы настоящего и будущего, ссылаясь в первую очередь на события и акторов советского и имперского периодов отечественной истории. Установлено, что один и тот же образ может иметь противоположные коннотации. Респонденты сходятся в том, как они оценивают настоящее и будущее России, но расходятся в тех конкретных образах, которые сопоставляют с представленным описанием.

Выводы. Исторические образы становятся понятным и естественным материалом для формирования политических аналогий. Однако объяснения респондентов выявляют противоречия в описаниях, которые не рефлексированы самими участниками. Таким образом, сфера исторических образов становится пространством общих мест по форме, но не по содержанию.

Ключевые слова:

историческая память,
образ,
историческая аналогия,
массовое сознание,
молодежь

Поступила: 11.09.2024

Принята: 26.11.2024

Дата печати: 30.12.2024

*Права: © Атаманенко А. А.,
Костин К. О. (2024).*

*Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0*

Введение

Современное массовое сознание оказывается в заметной степени восприимчиво к образам публичной массовой культуры. Медиатизация политики сегодня стала неотъемлемой частью общественного восприятия, а политические события рассматриваются сквозь призму сюжетной драматургии. Если политика становится аналогией художественного сюжета, то ее действующие лица приобретают роли, аналогичные образам. Эти образы в первую очередь аффективны, апеллируют к ценностям, чувствам, политическим эмоциям. Фактические данные интерпретируются через призму личных убеждений и социальных установок.

Образы настоящего и будущего, также находясь в сфере идеального, часто формируются с опорой на исторические представления. Историческая аналогия как форма обращения к прошлому уже давно выделена как устойчивая практика использования кажущихся знакомыми представлений о прошедшем для оценки событий настоящего. В этой связи представляется значимым изучить то, какие образы и аналогии функционируют в сознании российской молодежи и как они используются для описания и оценки современной России. Эмпирический материал исследования может стать основой для концептуального анализа перспектив роли исторических образов в процессе политической социализации. Основной исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: какие исторические образы являются наиболее актуальными для коллективного сознания молодежи в процессе формирования аналогий настоящего и будущего? Этот вопрос позволяет нам конкретизировать методологические аспекты исследования и четко определить оптику рассмотрения эмпирического материала. Работая в рамках выделенной проблематики, нам потребуются обратиться к феноменам коллективной памяти, политического бессознательного, символической политики. Эти категории позволяют нам описать логику формирования образов, предположить вероятные источники и причины их возникновения. В итоге мы планируем сформировать набор якорных точек, которые позволят установить содержательные рамки возникновения аналогического мышления о России в молодежной среде.

Проблематика коллективной памяти, зародившаяся еще в XX веке в исследованиях Мориса Хальбвакса [19], сегодня изучается

в рамках междисциплинарных исследований. На сегодняшний день коллективная память понимается как набор представлений о прошлом, разделяемый определенным сообществом людей и выступающий скрепляющим содержанием идентичности. Одновременно с этим функционирует также и концепция политики памяти, предполагающая целенаправленные действия участников политического процесса по формированию собственных интерпретаций прошлого и продвижению этих интерпретаций.

В отечественной политической науке тему коллективной памяти активно разрабатывают такие авторы, как Даниил Аникин [1], Ольга Малинова [12], Сергей Белов [4], Алексей Миллер [14], Виталий Тихонов [17], Иван Курилла [11] и другие. В рамках различных традиций речь идет и о диалогах с прошлым через объект, политическом использовании прошлого, разграничении политики памяти и исторической политики как попытки «коррекции» прошлого.

Общий вывод заключается в том, что представления о прошлом формируются под влиянием текущих политических реалий, одновременно оказывая влияние на интерпретацию прошлого и принятие решений в политической сфере.

Одновременно с этим представления об общем прошлом тесно связаны с идентичностью вообще, а потому их значимость определяется через проекцию оценок прошлого на настоящее. В этом плане особый интерес в связи с нашей темой представляет статья «Концептуализация понятия «историческая аналогия» в междисциплинарном проблемном поле» Владимира Беклямишева, посвященная непосредственно тому, как образы исторического прошлого функционируют в контексте политической социализации и актуального политического материала. Нередко мы обладаем значительной неполнотой знаний о текущих политических процессах, поэтому для заполнения образовывающихся лакун прибегаем к кажущимся нам похожим сюжетам из прошлого. Статья также опирается на идеи Брендстрема, Байнандера и Хардта, предложивших шесть функций исторических метафор: «Фильтр», «Учитель», «Тюрьма», «Слепое пятно», «Оружие» и «Травма», связанных с их ролью в политическом дискурсе [3, с. 87–88].

Историческая аналогия объединяет в себе «индивидуальный когнитивный процесс, акт вербализации исторической идентичности и маркер конкретного сегмента

политического дискурса» [3, с. 92]. Будучи комплексным когнитивно-политическим явлением, историческая аналогия становится очень естественным форматом трактовки прошлого и настоящего для непрофессионалов в области исторических исследований. Ее политическая нагруженность становится наиболее важным для нас аспектом, поскольку сравнение представлений о политическом прошлом, настоящем и будущем является центральной темой нашего исследования.

Концептуализация образа как культурной и информационной единицы также разработана в ряде значимых для научной традиции работ. Одним из первых идею рассмотрения образа как трансграничного культурного явления предложил Аби Варбург в тексте «Язычески-античное предсказание в слове и изображении времен Лютера» [7, с. 227–235]. Варбург отсылает к образам античного мира, которые, по его словам, созданы, сконструированы гуманистической ученостью Возрождения. Тем не менее, эти образы оказываются крайне устойчивыми и универсальными, переходя от произведения к произведению и являясь конституирующими для сообществ элементами общей культуры. Варбург считает, что любой образ является комбинацией самих представлений о нем и материальных носителей, при помощи которых этот образ приобретает свою содержательную устойчивость. Язык образов подобен символическому коду, понятному представителям тех сообществ, чей социальный опыт созвучен знакам такого кода. Основной теоретической инновацией исследователя становится мысль о том, что образы «проживают» собственную жизнь, будучи переносимыми из произведения в произведение как маркеры идентичности и способ адресовать заложенное авторами сообщение представителям единого социокультурного бэкграунда. Эта мысль окажется продуктивной при уточнении того, как образ может объединять символические представления о политическом прошлом.

Заметный вклад в развитие теории образа также внес французский историк Мишель Пастуро, специализирующийся на истории символов, функционирующих в европейском средневековье. Работы Пастуро как правило концентрируются на каком-либо конкретном образе, проходящем через различные формы изображения и осмысления. Пастуро заявляет, что образы становятся частью коллективного сознания как относительно устойчивые комбинации символов и

коннотаций. При этом в каждом конкретном случае общие места образа будут проходить через персональную оптику воспринимающего или воспроизводящего этот образ [16].

Отчасти можно сказать, что работа российского историка Ольги Тогоевой «Дева со знаменем» иллюстрирует аналогичный подход. Используя широчайший круг источников — от Средневековья до актуальных политических дебатов, автор анализирует формирование и эволюцию образа Жанны д'Арк в политической культуре Франции. Внимание историка сосредоточено как на описаниях и визуальных изображениях, так и на мифологизированных нарративах о Жанне д'Арк, отражающих и переосмысляющих актуальные политические реалии. Ключевые выводы Тогоевой на конкретном примере показывают, что образ является динамической и неоднородной категорией, постоянно перерабатываемой под запросы и условия актуальной социально-политической реальности данного общества [18].

Работа с коллективным сознанием требует учета феномена «общего места». Один из наиболее продуманных форматов концептуализации этого понятия предлагает в своей одноименной работе философ и культуролог Светлана Бойм. В ее определении общее место — это «баррикада, поле битвы воюющих определений и дискурсов — философских, политических, эстетических и религиозных» [6, с. 32]. В своих рассуждениях об общем месте автор регулярно обращается к феномену топоса (в тексте) и клише как структурного элемента коммуникации. В этой связи интерпретация конкретного значения выделенного обществом места также будет являться маркером принадлежности к тому или иному сообществу и используемых этим сообществом дискурсов.

Общие места, таким образом, оказываются соединением образа и «руководства к использованию», обозначая, в каком контексте и для каких целей интеграция того или иного образа будет уместной и последовательной. Эта уместность поддерживается негласным консенсусом участников речевых игр, обращающихся к общим местам в понятном всем контексте. Образ как общее место становится не только понятной для участников сообщества метафорой и ассоциацией, но одновременно и проводником определенных ценностей и содержания. Эти образы будут содержать не столько фактологическую информацию, сколько связанные с ними и их упоминанием эмоциональные и чувственные ассоциации.

Пространство образов, изучаемое нами, может быть концептуализировано на институциональном и содержательном уровне. Институциональную рамку функционирования образов предложил в том числе исторический социолог Майкл Манн, говоря об источниках власти. Одна из четырех выделенных им проекций — идеологическая, предполагающая наличие в социальном пространстве акторов, создающих нематериальные идеи, распространяющих, легитимирующих или делегитимирующих их. В этом смысле любой человек, использующий в своей повседневности политико-исторические образы, становится участником этой институциональной проекции [13, с. 59–72]. Содержательное пространство функционирования образов крайне удачно характеризуется при помощи концепции политического бессознательного, разработанной культурологом Фредериком Джеймисоном. Политическое бессознательное определяется им как способ «производства воображаемых форм, в которых человек строит отношения с собственной исторической реальностью неразрешимых противоречий» [22, р. 23–45]. В этой связи использование образа может восприниматься как попытка решить противоречия в восприятии настоящего и воображении будущего через проведение аналогий с кажущимся известным прошлым.

В этой логике становится понятно, почему исторические образы превращаются не только в средства оценки, но и в инструменты интерпретации реальности. Исходя из поставленных задач и существующих теоретических подходов, итоговая версия нашего исследовательского вопроса может быть сформулирована следующим образом: «Как и какие образы прошлого в политическом бессознательном российской молодежи определяют их представление о современной России и ее возможном будущем?». Используя размеченную нами понятийную рамку, мы можем проинтерпретировать имеющийся у нас эмпирический материал для ответа на поставленный в рамках исследования вопрос.

Методы и материалы

Для ответа на поставленный вопрос мы привлечем эмпирические материалы исследования «Образ России в представлении молодежи», проведенного Центром развития гуманитарных технологий «НОВАЯ ЭРА», в 2023 году¹. В исследовании принял участие

101 респондент, основным инструментом стали фокус-группы, всего было проведено 13 сессий. В рамках фокус-групп участникам исследования предлагалось принять участие в социокультурной игре. Основу игры составляли 14 вопросов-сравнений, каждый из которых предполагал определение образа современной России и идеальной России будущего. В каждом вопросе респондент мог либо выбрать один из 13 предложенных вариантов ответа, либо предложить собственный вариант. Вопросы состояли из следующего списка:

- Если Россия — скульптура, то какая?
- Если Россия — животное, то какое?
- Если Россия — сказочный герой, то какой?
- Если Россия — хобби, то какое?
- Если Россия — исторический деятель (правитель), то какой?
- Если Россия — блюдо, то какое?
- Если Россия — картина, то какая?
- Если Россия — цвет, то какой?
- Если Россия — направление музыки, то какое?
- Если Россия — спорт, то какой?
- Если Россия — отрасль, то какая?
- Если Россия — здание, то какое?
- Если Россия — символ, то какой?
- Если Россия — дерево, то какое?

В нашем случае нам наиболее интересны вопросы, связанные со скульптурами, историческими деятелями, картинами и символами, поскольку в этих сферах интересующие нас образы будут наиболее яркими и акцентированными. Параллельно с вопросами респонденты также называли словесные ассоциации, которые вызывали у них задаваемые вопросы. Полученные ассоциации по итогам исследования объединены в облака тегов, которые также могут выступить смысловыми рамками интерпретации результатов.

Ориентируясь на представленный эмпирический материал, нам важно обнаружить закономерности и характерные черты, связанные с использованием образов прошлого для формирования политических взглядов, оценок и суждений у российской молодежи. В некотором смысле мы хотим также установить общие места и их наполнение в политическом бессознательном респондентов. Использование этих общих мест при построении исторических аналогий с современностью может многое сказать о структуре и наполнении исторической памяти целевой группы исследования.

(Дата обращения: 10.09.2024)

¹ Образ России в представлении молодежи / Центр «Новая эра» // URL: <https://new-era.space/nir/678/>

Одновременно с этим связка образов и ассоциируемых с ними коннотаций позволяет определить, в каких аффективных и оценочных регистрах представители целевой группы исследования воспринимают настоящее и будущее России [15, с. 35-43]. Привлечение исторического материала также будет означать, что респондент имеет свои оценочные представления и по поводу российского прошлого.

Однако исследование имеет свои ограничения, что сказывается на масштабе возможных выводов. Крайне важно рассмотреть картину комплексно, не используя лишь наиболее яркие или популярные варианты. Мы должны обратить внимание на то, что все респонденты вовлечены в сферу высшего образования. 66,3 % респондентов являются студентами, еще 30,7 % — выпускниками высших учебных заведений, 3% обозначают свой статус как «молодой ученый». Это говорит о том, что в данном случае мы работаем с представлениями и образами, функционирующими в сознании интеллектуальной молодежи. Данная группа имплицитно обладает уровнем кругозора выше, чем в среднем по всей группе «молодежь», способна использовать сложные и продуманные ассоциации. Также есть вероятность того, что вопросы исследования становились предметом внутреннего размышления респондентов еще до участия в нем. Таким образом, перед нами предстает качественная выборка, отражающая представления скорее пассионарной и лучше подготовленной к предложенной в игре задаче части российской молодежи, проходящей через процессы обучения и воспитания.

При интерпретации результатов исследования мы ориентировались на представление об общем месте как дискурсивной единице (образу) в рамках ответа на вопросы исследования и определяли, какие коннотации этих общих мест применительно к исторической памяти молодежи влияют на проекции политического настоящего и будущего. Выделенные нами вопросы позволили целенаправленно сфокусировать наше внимание на исторических аналогиях, исключив дискуссии о более широких контекстах.

Результаты

По итогам анализа полученных результатов в рамках отобранных вопросов мы можем обрисовать следующую картину:

Если Россия — скульптура, то какая?

В рамках данного вопроса при разговоре о современной России респонденты чаще всего называли «Родину-мать» (20,8 %), выбирали собственную ассоциацию — памятник Петру Первому, Михаилу Глинке, Покорителям космоса, Ивану Грозному и др. (Вариант «Другое» — суммарно 19 %), «Рабочий и колхозница» (10,9 %). В полученном облаке слов наиболее часто упоминаемые ассоциации включают в себя «Силу», «Тяжесть», «Единство», «Войну», «Величие», «Труд», «Волю», «Родину».

В развернутых комментариях участники фокус-групп говорили о защите и объединении в рамках страны и государства. Отмечаются сила и воля российской власти как наиболее значимые факторы. При этом ассоциации относительно одной и той же скульптуры могут быть разными. Например, студентка из Челябинска упоминает «...труд, плохо развитый и низкооплачиваемый», а студент из Москвы говорит «про силу, волю и советскую власть» (обе ассоциации связаны со скульптурой «Рабочий и колхозница»).

Говоря об идеальной России будущего, респонденты обозначили следующие скульптуры — «Покорители космоса» (29,7 %), Фонтан «Дружба народов» (24,8 %), «Родина-мать» (14,9 %). Ассоциациями, которые респонденты называли наиболее выразительно, стали «Мир», «Развитие», «Единство», «Наука», «Дружба», «Прогресс», «Технологии», «Свобода», «Будущее».

Давая более подробные объяснения своего выбора, участники в данном случае делали упор на мирный прогресс и модернизацию. Речь также шла о социальной и межнациональной солидарности, стремлении к гармонии внутри страны. Отмечалось также и видение России как сильной и мощной страны в будущем. В данном случае образы идеальной России будущего оказываются скорее позитивными и направлены в сторону технологического, социального и культурного прогресса.

Если Россия — исторический деятель, то какой?

Наиболее популярным ответом в этом вопросе относительно современной России стал вариант «Другое» (25,9 %), куда вошли как предложенные в вопросе личности, набравшие менее 5 %, так и предложенные самими участниками персонажи. На втором месте — Иван Грозный (23,8 %), на третьем — Иосиф Сталин (22,8 %). Облако слов среди

наиболее частых вариантов включает в себя «Силу», «Власть», «Войну», «Репрессии», «Старость», «Застой», «Новизну», «Страх», «Агрессию», «Занавес».

Комментарии участников содержат в том числе рассуждения о том, что «...Россией может управлять властный человек, и организовать людей может только тот, у кого есть определенная власть...» (студент, Челябинск). Параллельно также встречаются мысли о развитии через контроль и необходимость сильного правителя для страны. Одновременно присутствуют акцентированные сравнения и аналогии: «Сейчас вижу сравнение (современной России) с Леонидом Брежневым» (выпускник, Москва); «...этот вариант напрямую отражает происходящее, учитывая, сколько людей уезжает...» (студентка, Челябинск). Образы исторических личностей в данном случае представляются мощными якорными точками для выработки политических аналогий в настоящем.

Формируя свои ассоциации с идеальной Россией будущего, респонденты указывали Петра I (35,6%), вариант «Другое», куда входили Николай II, Горбачев, Столыпин и др. (24 %), а также Александра II (14,9%). В облако ассоциаций попали наиболее часто называемые слова «Развитие», «Новизна», «Европа», «Реформы», «Прогресс», «Открытие», «Свобода» и др.

В общих комментариях респонденты говорили о реформах, социальных изменениях, «дипломатии, демократии и общении» (студент, Москва). Участники фокус-групп выделяли необходимость внешнеполитических контактов, социальные, политические и технологические нововведения как ключевые факторы. Образ идеальной России в сложившейся конфигурацией связан с прогрессом и теми, кто готов в рамках своей политической программы предлагать движение вперед и развитие (в понимании респондентов).

Если Россия — картина, то какая?

Сопоставляя современную Россию с картиной, респонденты выделяют «Бурлаков на Волге» (22,8 %), вариант «Другое», куда входят «Утро в сосновом лесу», икона «Георгий Победоносец» и пр. (20,9 %) и «Девятый вал» (14,9 %). В облаке тегов наиболее акцентированно выделяются «Тяжесть», «Буря», «Сила», «Неизвестность», «Страх», «Труд», «Народ» и др.

Предлагая свои объяснения, участники исследования говорят о единстве: «Они

вместе, несмотря на трудности. Сейчас это очень актуально» (студент, Москва). Упомянется также сила команды и коллектива (в том числе применительно к картине «Богатыри», которую назвали 12,9 % респондентов). Отмечается также беспокойность, тревожность и напряженность как фоновое состояние.

При выборе картин, ассоциирующихся с идеальной Россией будущего, наибольшее число участников выбирают вариант «Другое» (28,9%), к которому относятся в том числе «Черный квадрат», «По пунктам» и другие картины. Также участники отдают предпочтение картинам «Утро в сосновом лесу» (24,8 %) и «Богатыри» (21,8%). Среди наиболее часто упоминаемых ассоциаций мы увидим следующие слова: «Мир», «Спокойствие», «Сила», «Могущество», «Красота», «Победа», «Гармония», «Свобода», «Единство» и пр.

Аргументация респондентов основана на позитивном образе спокойствия и заботы: «Мама медведица в позитивном плане контролирует медвежат» (студент, Москва). Наиболее общий образ формулирует студентка из Москвы применительно к картине «Девочка с персиками»: «Хотелось бы, чтобы Россия в будущем не знала никаких конфликтов, и жизнь была спокойной, размеренной, без каких-то скачков». Образ идеальной России будущего у респондентов напоминает собой классическую романтическую пастораль. Пасторали в текстах Вергилия, Шиллера и Гете присущи метонимический идиоллизм, а также обмен «ламентациями» между участниками простой сельской жизни и представления об «утраченном рае» [8, с. 59–70]

Если Россия — символ, то какой?

Выбирая символ, ассоциирующийся с современной Россией, респонденты называют «Автомат Калашникова» (14,9 %), вариант «Другое», например, «Крылья жар-птицы», «Z», «Чебурашка», «Колокола» и др. (13,9 %) и «Матрешка». В облако тегов как наиболее частотные варианты попадают «Сила», «Страх», «Война» и др.

Развернутые комментарии участников фокусируются на том, что можно было бы назвать «загадочностью русской души»: «Красота и сокрытие чего-то, информации, например» (студентка, Москва). Также отмечается стабильность как характерный элемент символа России.

В выборе символа для идеальной России будущего большинство респондентов

(30,8 %) оказываются в категории «Другое», называя сыр «Дружба», ДНК, феникса, книгу, человек и т.д. Также участники выделяли варианты «Космическая ракета» (22,8 %) и «Крылья жар-птицы» (14,9 %). Среди облака ассоциаций ярче всего выделяются слова «Развитие», «Технологии», «Мощь», «Сила», «Красота», «Свобода» и пр.

Фиксируя свои объяснения в выборе образов, участники исследования говорят о прогрессе, инновациях, развитии. При этом упоминается и уникальность России как страны больших проектов: «Его (атомный ледокол) чаще всего используют для исследования Севера, это что-то большое — там не каждая страна может побывать» (студент, Махачкала). В целом обоснование образа связано с движением вперед и технологическом развитии, которые в данном случае связываются респондентами с представлениями об идеальной России будущего.

Представленные результаты показывают ключевые смысловые линии, которые мы можем увидеть у респондентов в рамках мышления о России настоящего и будущего через исторические символы. Отметим также формирующий элемент, поскольку участникам изначально предлагался набор ответов для выбора. Однако в итоге довольно значимое количество участников исследования также избрали вариант «Другое», назвав в том числе собственные ассоциации на предложенные темы.

Обсуждение

Представленные результаты позволяют сделать несколько выводов о том, как формируются исторические аналогии респондентов в оптике суждений об актуальных политических процессах.

Наблюдается отсутствие единой картины мира и исторического прошлого. Регулярно в наиболее популярные варианты попадает ответ «другое», что показывает достаточно высокий уровень неоднородности в формировании исторических аналогий. Мы предполагаем, что это связано с личными политическими позициями, областью, в которой респондент получает образование (разные критерии мышления у технических, естественных и социально-гуманитарных специалистов), имеющимся общественным и политическим опытом. Нельзя сказать, что у респондентов наблюдается консолидированное мнение относительно одних и тех же образов. Отметим также, что одна и та же аргументация может ассоциироваться с разными образами.

Образы, относящиеся к временам СССР и Российской Империи, представлены в ответах респондентов примерно в равных долях. Это может говорить о более яркой выраженности этих периодов в исторической памяти респондентов в связи с фактором временной отдаленности. Меньше всего упоминаются те образы и символы, которые связаны с доимперским периодом, княжеской и царской Русью.

Говоря об идеальной России, респонденты склонны обращаться к двум типам исторических аналогий. С одной стороны, это образы реформ и преобразований, которые в развернутых объяснениях всегда ассоциируются с прогрессом. При этом респонденты не говорят о том, что изменения могут привести к негативным последствиям или иметь побочные негативные эффекты. Реформатор в данном случае априори получает позитивную трактовку. С точки зрения политической грамматики используемое слово становится конституирующим для собственного восприятия [5]. Второй тип аналогий связан с мощью России, в первую очередь военной. Здесь референтными фигурами становятся Иосиф Сталин и Иван Грозный. При этом интересно отметить, что респонденты говорят не столько о конкретных достижениях, сколько о создаваемом образе и внешнем впечатлении, что, в общем, вписывается в концептуальные представления об эффективности формулирования образов власти [20].

Есть основания полагать, что при выборе тех или иных исторических аналогий респонденты обращаются не к фактологии, а к «образам образов», взятых из художественных произведений, массовой культуры и популярных объяснений [10]. В данном случае важно в своих интерпретациях не выдумывать за респондентов. Тем не менее, практики публичной истории показывают, что люди гораздо лучше запоминают художественные оценочные и эмоциональные образы, а также истории-апокрифы, нежели историографическую фактологию [9]. В этой связи мы можем говорить о вероятной вторичности указываемых респондентами образов на основе личного эстетического опыта.

При выделении ассоциаций для облака тегов респонденты склонны использовать безоценочные по своей форме слова, которые при дальнейшем раскрытии приобретают явные коннотации в связи с выбранными образами и личными политическими позициями. Исторические ассоциации изначально являются эмоционально нагруженными,

используя «объективные» речевые формы для выстраивания оценочной политической картины прошлого, настоящего и будущего.

Рассмотрение результатов фокус-групп позволяет также констатировать, что сами по себе исторические образы могут быть первым шагом к проекции личных политических взглядов респондентов на настоящее и будущее России как страны и государства. При этом мы можем говорить о том, что такие проекции будут сугубо индивидуальными и редко подвергаться типизации. Такая конфигурация позволяет нам говорить о том, что представления респондентов о прошлом, настоящем и будущем при одинаковых оценках могут раскрываться через разные образы. Вероятны и характерны также ситуации, в которых одни и те же общие места интерпретируются по-разному, становясь полем идеологического и интерпретационного противостояния.

Заключение

Рассмотрение представленного эмпирического материала при помощи сформулированной теоретической рамки показывает, что исторические образы в коллективном сознании российской молодежи активно и вполне естественно используются для формирования политических аналогий относительно настоящего и будущего России. Будучи общими местами по форме, предлагаемые образы могут обретать различные коннотации и интерпретации. При этом создаваемые и объясняемые ассоциативные картины становятся весьма подробными и показывают, что респонденты обладают достаточно широким кругозором.

Важно отметить, что в итоговой конфигурации позитивные образы истории связаны с изменениями и реформами как таковыми, аналогичные образы приводят респонденты и для описания идеальной России будущего. Эта ситуация может говорить о внутреннем запросе на изменения, связанном с восприятием современной России. При этом рефлексия образов изменений и реформ в описаниях участников фокус-групп становится односторонней. Негативные или побочные следствия изменений и реформ не упоминаются, при этом отсутствуют ассоциации, в рамках которых реформаторов называли бы «разрушителями» или «противниками традиций». Отчасти это может говорить о том, что участники идеализируют образ реформатора, основываясь на собственных запросах относительно изменений в общественной и политической жизни.

Говоря о силе и мощи страны, респонденты в первую очередь хотели бы видеть сильное государство с гарантиями отсутствия злоупотребления имеющейся силой. На уровне международного уважения и внутренней организованности участники испытывают уважение к таким историческим личностям, как Иосиф Сталин или IV, однако на уровне внутренней политики им больше близки упоминаемые выше реформаторы. Можно сказать, что в этих двух проекциях наблюдается разделение на «правильные» и «неправильные» методы поддержания статуса страны, хоть с качеством этого статуса никто из респондентов и не спорит [2].

В итоге привлечение исторических образов к формулированию образов России приводит к формированию примерного коллективного конструкта, в рамках которого идеальная Россия сочетает в себе реформы и технологический прогресс на внутреннем уровне, при этом воспринимается как сильная, мощная и уважаемая страна на внешнем. Респонденты, однако, не видят в этом противоречия и не формулируют этот выявленный внутренний конфликт. Страна, в их понимании, не должна вступать в конфликты. Однако очевидно, что государство, заявляющее о своих лидирующих позициях в мировой политике, обязательно станет участником одного или нескольких противостояний. Реалистическое планирование в данной ситуации уступает место образному мышлению. Приводя образы и ассоциации, респонденты используют лишь те их аспекты, которые считают позитивными. Все, что не вписывается в такую оценку, становится предметом умышленного или бессознательного умолчания.

Перспективы использования такого рода проективных исследований включают в себя, например, проведение лонгитюдных наблюдений, связанных с ведением фокус-группы одних и тех же респондентов с периодичностью в полгода в течение нескольких лет. Наблюдение за динамикой называемых и оцениваемых образов в контексте динамики социальной и политической ситуации может показать, какие факторы могут повлиять на актуализацию или наоборот утрату актуальности тех или иных образов [21]. Также важным направлением работы в этой области могут стать проекты, направленные на более свободные дискуссии и привлечение методик глубинных интервью для выстраивания более детального представления о том, как и почему респонденты обосновывают выбор образа для формирования конкретных политических аналогий.

1. Аникин, Д. А. Память региона в современной России: проблемы картографирования и осмысления / Д. А. Аникин // Новое прошлое. — 2023. — № 2. — С. 168-177. — DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-168-177. — EDN GWDCNX.

2. Атнашев, Т. Реформаторы в поисках языка. Книга Егора Гайдара «Государство и эволюция» / Т. Атнашев // Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — С. 582-619.

3. Беклямишев, В. О. Концептуализация понятия «историческая аналогия» в междисциплинарном проблемном поле / В. О. Беклямишев // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2019. — № 4. — С. 84-95. — EDN PCGOKD.

4. Белов, С. И. Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) / С. И. Белов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2018. — Т. 20, № 1. — С. 96-104. — DOI 10.22363/2313-1438-2018-20-1-96-104. — EDN YTFDVS.

5. Бикбов, А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность / А. Бикбов. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. — 432 с.

6. Бойм, С. Общие места / С. Бойм. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 320 с.

7. Варбург, А. Великое переселение образов / А. Варбург. — СПб.: Пальмира, 2024. — 376 с.

8. Вдовин, А. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права / А. В. Вдовин. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 560 с.

9. Все в прошлом. Теория и практика публичной истории / Под ред. В. Дубиной, А. Завадского. — М.: Новое издательство, 2021. — 448 с.

10. Дианина, К. Искусство на повестке дня. Рождение русской культуры из духа газетных споров / К. Дианина. — М.: Academic Studies Press, 2023. — 498 с.

11. Курилла, И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю / И. С. Курилла. — М.: Альпина Паблишер, 2022. — 232 с.

12. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // Метод. — 2019. — № 9. — С. 285-312. — DOI <https://doi.org/10.31249/metod/2019.09.15>. — EDN EROTGR.

13. Манн, М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. / М. Манн. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 760 с.

14. Миллер, А. И. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики / А. И. Миллер // Новое прошлое. — 2020. — № 1. — С. 210-217. — DOI 10.18522/2500-3224-2020-1-210-217. — EDN SWCHDT.

15. Мирзоев, Н. Как смотреть на мир? / Н. Мирзоев. — М.: Ad Marginem, 2019. — 344 с.

16. Пастуро, М. Волк. Культурная история / М. Пастуро. М.: АСТ, 2024. — 176 с.

17. Тихонов, В. Полезное прошлое: история в сталинском СССР / В. Тихонов. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 368 с.

18. Тогоева, О. Дева со знаменем. История Франции XV–XXI вв. в портретах Жанны д'Арк / О. Тогоева. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 432 с.

19. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. — М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.

20. Шапиро, Б. Русский всадник в парадигме власти / Б. Шапиро. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 704 с.

21. DiPaolo, M. War, Politics and Superheroes. Ethics and Propaganda in Comics and Film. / M. DiPaolo. — Jefferson, North Carolina and London : McFarland & Company, Inc., Publishers, 2011. — 343 p.

22. Jameson, F. The political unconscious: narrative as a socially symbolic act. / F. Jameson. — Ithaca, N. Y. : Cornell university press, 1981. — 305 p.

References

1. Anikin, D.A. (2023) Memory of the region in modern Russia: problems of mapping and comprehension. *The New past*, no. 2, pp. 168-177. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-2-168-177> [in Rus].

2. Atnashev, T. (2023) Reformers in search of a language. Egor Gaisar's book "State and Evolution". In book: Cambridge school. Theory and practice of intellectual history. Pod red Atnasheva T., Velizheva M. Moscow, New Literary Review, pp. 582-619 [in Rus].

3. Beklyamishev, V. O. (2019) Conceptualization of the concept of "historical analogy" in an interdisciplinary problem field. *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*, no. 4, pp. 84-95 [in Rus].

4. Belov, S. I. (2018) Computer games as a tool for implementation of memory policy (on the example of displaying events of the great patriotic war in video games). *Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Political Sciences*, no. 1, pp. 96-104. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-1-96-104> [in Rus].

5. Bikbov, A. (2015) Grammar of order. Historic sociology of concepts which change our reality. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 432 p. [in Rus].

6. Boim, S. (2022) Common places. Moscow, New Literary Review, 320 p. [in Rus].

7. Varburg, A. (2024) The great migration of the images. Saint Petersburg, Pal'mira, 376 p. [in Rus].

8. Vdovin, A. (2024) The riddle of the Sphinx people. Stories about peasants and their socio-cultural functions in the Russian Empire before the abolition of serfdom. Moscow, New Literary Review, 560 p. [in Rus].

9. Dubina, V., Zavatskiy, A. (2021) Everytjing in the past. Theory and practice of public history. Moscow, New publishing house, 448 p. [in Rus].

10. Dianina, K. (2023) Art in the focus. Birth of Russian culture from the spirit of public discussions. Moscow, Academic Studies Press, 498 p. [in Rus].

11. Kurilla, I. (2022) Battle for the past. How politics changes history. Moscow, Al'pina Publisher, 232 p. [in Rus].

12. Malinova, O.Y. (2019) Politics of memory as a branch of symbolic politics. *Metod*, no. 9, pp. 285-312. <https://doi.org/10.31249/metod/2019.09.15> [in Rus].

13. Mann, M. (2019) Sources of social power. In 4 volumes. Volume 1. History of power from the origins to 1760 A.D. Moscow, Publishing house "Delo" RANEPa, 760 p. [in Rus].
14. Miller, A.I. The policy of remembrance in strategies of formation of national and regional identities in Russia: actors, institutions and practices. *The New past*, no. 1, pp. 210–217. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-1-210-217> [in Rus].
15. Mirzoev, N. (2019) How to see the world? Moscow, Ad Marginem, 344 p. [in Rus].
16. Pasturo, M. (2024) Wolf. Cultural history. Moscow, AST, 176 p. [in Rus].
17. Tikhonov, V. (2024) Usable past: history in Stalin's USSR. Moscow, New Literary Review, 368 p. [in Rus].
18. Togoeva, O. (2023) The maid with a banner. History of France from XV to XXI centuries in images of Janne d'Arc. Moscow, New Literary Review, 432 p. [in Rus].
19. Halbwaks, M. (2007) Social frsmes of memory. Moscow, New publishing house, 348 p. [in Rus].
20. Shapiro, B. (2021) Russian horseman in the paradigm of power. Moscow, New Literary Review, 704 p. [in Rus].
21. DiPaolo, M. (2011) War, Politics and Super-heroes. Ethics and Propaganda in Comics and Film. Jefferson, North Carolina and London, McFarland & Company, Inc., Publishers, 343 p. [in Eng].
22. Jameson, F. (1981) The political unconscious: narrative as a socially symbolic act. Ithaca, N.Y., Cornell university press, 305 p. [in Eng].

For citing: Atamanenko, A. A., Kostin, K. O. (2024) "Time of Russia": historical images as a source of political analogies in the mass consciousness of Russian youth *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 4 (102), pp. 105–115. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-4-105-115>.

UDC 32.019.52

EDN LYVUSB

DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-105-115

"TIME OF RUSSIA": HISTORICAL IMAGES AS A SOURCE OF POLITICAL ANALOGIES IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN YOUTH

Artemiy A. Atamanenko,

Lomonosov Moscow State University,
Postgraduate Student of the Department
of History and Theory of Politics,
Centre for Development of Humanitarian
Technologies "NEW ERA",
Expert, Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0003-4433-7847
E-mail: aaatamanenko@mail.ru

Kirill O. Kostin,

Russian State University for the Humanities,
Director of the Centre "Diplomacy of Knowledge",
Moscow, Russia.
ORCID: 0009-0003-6542-9529
E-mail: k.kostin@smart-civilization.com

Abstract

Introduction. The authors consider methodological tools that make it possible to conceptualize the concept of an image in the collective consciousness by referring to the research of historical memory.

A substantial (political unconscious) and institutional (ideological projection of power) framework for the interpretation of empirical material is proposed.

The purpose of the study is to establish the historical images used by Russian youth to form political analogies, and the factors that determine their use.

Methods. As an empirical material, the results

of the study «The Image of Russia in the representation of youth» by the Center for the Development of Humanitarian Technologies «NEW ERA», conducted in 2023, were used. The study involved the formation of focus groups, the participants of which formulated images and associations related to Russia of the present and the future. Several questions involved referring to historical materials. The answers are analyzed within the formulated theoretical and methodological framework for solving the research problem.

The scientific novelty of the research. The study uses projective techniques to identify historical images that influence the formation of specific political analogies regarding the present and future of the country. The images and factors influencing their choice among respondents are determined.

Results. According to the results of the study, it was revealed that the participants formulate images of the present and the future, referring primarily to the events and actors of the Soviet and imperial periods of national history. It has been established that the same image can have opposite connotations. The respondents agree on how they assess the present and future of Russia but differ in those specific images that they compare with the description presented.

Conclusions. Historical images become understandable and natural material for forming political analogies. However, the respondents' explanations reveal contradictions in the descriptions that are not reflected by the participants themselves. Thus, the sphere of historical images becomes a space of common places in form, but not in content.

Keywords:

historical memory,
image,
historical analogy,
mass consciousness,
youth

Received: 11.09.2024

Accepted: 26.11.2024

Date of publication: 30.12.2024

Copyright: © Atamanenko A. A., Kostin K. O. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEP.

Open access under CC BY-NC License 4.0.